Дм. Кленовский

Певучая ноша

Мюнхен
1969

Дм. Кленовский

Певучая ноша

Мюнхен

1969

Herausgeber: D. Klenowsky. Deutschland.

Gesamtherstellung: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

Всё дурное и всё хорошее
Перебродит в душе твоей
И певучею станет ношею —
Собеседником поздних дней.

МОЕЙ ЖЕНЕ

Я тоже горлиц посылал
За веткой из масличной рощи,
Но так еще и не держал
Ее в руке моей. Не проще ль
Быть гордым, быть настороже
И в дальнее не верить диво?
О, сколько задушил уже
Я этих горлиц нерадивых!
Но иногда, на всё в ответ,
Мне слышится: «Начни сначала!
Что если не нашелся след
Не потому, что рощи нет,
А горлица не долетала?»

1968

О детстве вспомнить хорошо,
Хотя б оно и трудным было.
Оно цветным карандашом
В тетради жизни, не чернилом.

Нагнись над нею и прочти
Уже тускнеющие краски.
Да, стерлось многое почти,
Но потому еще прекрасней!

Смотри, как радостно легки
Над крышей крохотного дома
Цветов огромных лепестки
И крылья бабочки огромной!

Пойми чудесный этот взлет!
В рисунке детском неспроста ведь
Всё то, что дышет и цветет
Всё мертвое перерастает.

Ведь в лепете карандаша
Под неуверенной рукою
Живет залетная душа,
Еще не ставшая земною.

Она привыкнет и врастет
В законы, сроки и границы
И этот легкий детский взлет
Ей перестанет даже сниться.

И всё же не утрачен он,
Лишь затаился! Скоро, скоро
Тебе он будет возвращен
И с ним ты сквозь последний стон
Вернешься к прерванным просторам!

1967

На одной из самых тихих улиц
Дремлющего Царского Села
В годы, что ушли и не вернулись,
Славная гимназия была.

За ее стареющим фасадом
Юные порывы затая,
Мальчики со мной сидели рядом
И зубрили то же, что и я.

А потом судьба их разбросала,
По винтовке дав им в руки всем,
И так скоро, скоро их не стало
Словно их и не было совсем.

Лишь меня те годы не коснулись
И всегда испытываю стыд,
Что друзья убиты вражьей пулей
Я же почему-то не убит.

Отчего судьба меня щадила,
Хоть строга была, но не плоха
И всего-то лишь благословила
На желанный, вольный труд стиха?

Неужели легкою строкою
Замолю я свой тяжелый грех,
Что и я тогда на поле боя
Не остался, как любой из тех?

Неужели ангел мой когда-то
Для того меня и уберег,
Чтоб не выполненный долг солдата
Искупить я нынче песней мог?

Как пойму я это, что узнаю?
И пускай по-прежнему пока
Просит за меня не уставая,
Молит за меня моя строка!

1967

Счастливое, волнующее слово
Приходит к нам всегда легко дыша,
Оно слететь как лепесток готово
И только ждет, чтоб приняла душа.

А если нет, а если жжет и душит,
Задумано тобой, а не дано
И нарастает всё трудней и глуше —
Не соблазняйся: это не оно!

1968

Лука XIX, 1—6.

Сквозь путаницу веток, сквозь
Тугие листья шелкови́цы
Тебя узреть мне довелось,
Но как с Тобой договориться?

Иль взгляд Тебя не тронул мой
Иль в мой порыв Ты не поверил —
Ты не сказал: «Иди домой!
Я посетить тебя намерен!»

Но дома в каждый звук извне
Я вслушиваюсь с нетерпеньем.
Быть может Ты придешь ко мне
Иначе, без предупрежденья?

1968

В полете есть не только устремленье,
Не только цель манящая вдали —
В полете есть еще и нетерпенье
Освободиться от своей земли,

Почувствовать щемящий миг отрыва
От всех застывших под тобой камней,
Почувствовать: в тебе пространство живо
Во всей огромной щедрости своей!

И может быть то радостное «что-то»,
Чем мы, взлетая, сердце обожгли —
Предчувствие последнего полета,
Последнего «куда-то» от земли!

1968

Поговорим еще немного
О вечной тайне бытия.

Конечно до ее порога
Не добредем ни ты, ни я,
Конечно всем известно это
И примирились мы давно,
Что долгожданного ответа
Нам здесь услышать не дано,
Что мы напрасно сердцем жадным
О вечной тайне ловим весть —
Но как спокойно, как отрадно,
Как важно знать, что тайна — есть!

1968

Я, покидая родину, оставил
Десятка два испытанных друзей
И вот, в обход изгнаннических правил,
О них тоскую больше, чем о ней.

Нет, то не люди вовсе — книги были,
Стихи различных качеств, свойств и лет,
И те, которых все уже забыли,
И те, которым смерти в мире нет.

То были книги всех ««моих» поэтов,
Порой совсем не из числа больших,
Но честно заслуживших близость эту
Двумя-тремя из всех страниц своих.

Я часто занят в мыслях их судьбою.
Что сталось с ними в дебрях той страны
И не были ли просто в дни разбоя
Раскурены они иль сожжены?

Но думаю порой: что если все же
Из них в живых осталась хоть одна
И чье-то сердце сызнова тревожит,
Потрепана и в пятнах, но нужна!

И кто-то петербургской белой ночью,
В мечтах о необычном и большом,
Задумается над какой-то строчкой
Подчеркнутой моим карандашом.

1967

Фонтан любви, фонтан живой!
Я в дар принес тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Нет бедных рифм, докучливых, плохих,
Есть только нежеланье в них оправить
Настойчиво их требующий стих.
Как можно, дескать! Рифма так стара ведь!

А между тем в стихах мгновенья есть,
Когда те рифмы им необходимы,
Когда их надо смело произнесть,
Не обходя их малодушно мимо.

Когда иная легкая строка
Стремится и пленительно и ново,
Но требует, как берегов река,
Спокойного, совсем простого слова.

Простейшее! Оно одно не лжет!
И «розы-слезы» так благоуханно,
Так трепетно рифмуют, так свежо
В строках к Бахчисарайскому фонтану!

1968

Памяти С. В. Б-ва

У русских есть не только «именины» —
«День ангела» еще у русских есть
И в слове том сокрыта и поныне
Какая-то таинственная весть.

Конечно ангел с детства нам привычен,
В нем нет для нас чужого ничего
И запросто, не размышляя: «Нынче
День ангела (ты скажешь) моего».

Но что мы знаем о далеком друге,
О том, что навсегда неуловим,
С которым мы лишь в страхе и в недуге
Мучительно и сладко говорим?

И есть ли он в действительности, или
Он только наша выдумка и сон?
Но вспомни пули, что тебя щадили
И женщин, от которых был спасен!

А потому, как ожиданье встречи,
Как веру в то, что есть он, сохраним
«День ангела» в свободной русской речи,
Чтоб поздравлять не с именем, а с ним!

1968

ПОЭТЫ

Нет, вы созданы для трагедий,
Не для праздности, не для нег!
Пусть всегда в вас поет и бредит
Неуступчивый человек!

Вспомним всех, для души и плоти
Боль приявших и стыд, и страх,
Умиравших на эшафоте,
На задворках и рудниках!

Сосчитать их по пальцам можно,
Тех, что умерли не спеша,
Тех, чья повесть была несложна,
Песня — все-таки хороша.

Вспомним Блока, Уайльда, Лорка,
Данте, Лермонтова, Шенье,
Всех, что здесь умирали горько,
А иные из них — вдвойне.

Вспомним тюрьмы, суды, дуэли,
Вспомним тех наконец, что тут
С перерезанным горлом пели
И сейчас еще так поют!

Много, много еще их будет,
Потому что земля — плоха,
И ничто так сердца не будит
Как настойчивый зов стиха!

1967

Есть вещи о которых
Не надо говорить,
Порою даже шорох
Другим мешает жить.

Не говори о звездах,
О странах и морях,
О сожаленьях поздних
И отсиявших днях.

Не говори о птицах
Летящих в дальний край,
О девичьих ресницах
Взлетевших невзначай.

А главное, тоскуя
По тем, кто их дарил,
О первых поцелуях,
О них не говори!

Не говори? О чем же
Тогда нам говорить,
Чтоб ничего не вспомнить,
Ничем не огорчить?

Молчать? Но ведь в молчаньи
И шепот прежних дней,
И вздох воспоминанья
Еще, еще слышней!

1967

Юрию Офросимову

Юношей в Амальфи из Соренто
Ехал я в извозчичьей пролетке.
Утро словно медлило зачем-то,
Было и неярким и нечетким.

А потом ворвалось, ослепило,
Золотом блеснуло на просторе
И дорога круче зазмеилась
Над вплотную подбежавшим морем.

Мелкий ослик с грустными глазами
Вез лимонов полную корзину
И крестьянин мне, сверкнув зубами,
Самый золотой и крупный кинул.

Мой возница, спрыгивая с козел,
Рвал травинки, растирал в ладони.
Ни одной, сладчайшей в мире, розе
Не струить подобных благовоний!

Вечером, в монастыре, что тоже
Обречен был стать плохим отелем,
Амальфийка с золотистой кожей
Раздевалась у моей постели.

Сколько взял я золота с собою,
Сколько взял с собой благоуханий
За один уступленный судьбою
Щедрый день исполненных желаний!

1968

Что дали мне, задев мой путь,
Внезапные прикосновенья,
Всё, что упало мне на грудь:
Подруги, мотыльки, цветенья?

Как понял я их тайный зов?
Чем стали мне в конечном счете
Касанья свежих лепестков,
Горячих губ, воздушной плоти?

Они исчезли в бездне дней,
Они как будто только были
И ничего в душе моей,
Казалось бы, не изменили.

Но я не верю, что они,
Пусть и мгновенны и неясны,
В те зачарованные дни
Меня задели понапрасну!

Нет, в чем-то отразился след
Их мимолетного явленья —
Ведь не бывает на земле
Бесследного прикосновенья!

1968

«Прощай!» и «Здравствуй!» — два привычных
слова,
Таких совсем привычных, навсегда,
Что смысла сокровенного, былого
В них не осталось больше и следа.
А между тем в них тайное значенье,
Что придал им когда-то человек.
«Прощай!» — ведь это просьба о прощеньи
Перед разлукой, иногда навек;
А «Здравствуй!» — это в сущности забота,
К благополучью бережный призыв
И от обоих остается что-то,
Когда уходишь, их проговорив.
Они звучат почти как заклинанье,
Но так давно мы все привыкли к ним,
Что вот при встрече и при расставаньи
Их равнодушно слышим и твердим.
Кто в них заметит то, что их когда-то
Призвало к жизни, в чем их смысл и зов?
О, сколько их, столь некогда богатых,
А нынче нищих — вместе с нами! — слов!

1968

В АПРЕЛЕ

Трава лужаек меж домами
Так по-весеннему нежна
И только первыми цветами
Нещедро мечена она.

Без блеска, без благоуханья,
Чуть отделившись от земли,
Они на первое свиданье
Ко мне, как девушка, пришли.

Они робеют и не верят,
Что мне понравились они
В нехитрых платьицах апреля,
Дешевым ситчикам сродни.

И всё же догадались сами,
Что на Страстной и на Святой
Им лучше пахнуть не духами,
А свежестью и чистотой!

Их сменят яркие подруги
И будет пышен их наряд,
Они мои наполнят руки,
Но с сердцем не заговорят.

И нет цветений в мире целом,
Что и поспорить бы могли
Вот с этим первым, неумелым
Влюбленным лепетом земли!

1968

Почему мы все, придя «оттуда»,
С каждым годом, даже с каждым днем,
Взятое с собой в дорогу чудо
Здесь теряем или раздаем?

Для начала — детских глаз сиянье,
Детских рук доверчивость, а там,
Смотришь, ты уже свое дыханье
С женщиною делишь пополам.

Хорошо, когда за все потери
Ты здесь что-то заработать мог,
Если ты во что-нибудь поверил,
Что-то дал, кого-то уберег.

Если с этим ты уйдешь отсюда
Будет может быть тебе дано
За твое растраченное чудо
Что-то, что дороже, чем оно.

1968

Не решай рукою правой
Дело наперед,
Той, что всыпет яд лукавый,
Нож подымет для расправы
И в письме солжет.

А сначала в той, что ближе
К сердцу, в левой, в ней
Взвесь все то, чем ты обижен,
Взвесь, весов верней.

И тогда твоя, быть может,
Правая поймет:
Яд отбросит, нож положит
И письмо сожжет.

1967

Асимметрúя óкон во дворце
Венецианских дожей, искаженье
Пропорций тел у Греко, на лице
Возлюбленной — гримаса наслажденья;

Челиниевский бронзовый Персей
В зеленоватой плесени патины,
Засилье лебеды в густом овсе;
Пруд, удушённый бархатистой тиной;

Античный торс с отбитою рукой,
Рыбачий парус с пестрою заплатой,
Осенней ночью век кончая свой —
Звезда срывающаяся куда-то . . .

Всё это чья-то, в сущности, беда,
Изъян, порок, увечье, гибель, тленье . . .
Но всматриваемся мы в них всегда
С каким-то тайным восхищеньем!

1968

Не новых стран иные очертанья,
Не их дворцов и храмов красота —
Меня влекут к себе воспоминаньем
Когда-то мне любезные места.

За все акрополи и пирамиды,
За океаны и за Южный Крест,
За всё, что никогда еще не видел,
Я не отдам знакомых этих мест!

Там в первый раз глотнул я ветра с юга
И все тропинки были мне легки,
Там целовала первая подруга
И спать мешали первые стихи.

Там в кабачке сквозь ветки винограда
Пятнало солнце дерево стола
И девушка, скользнув лукавым взглядом,
Вино и сыр мне молча подала.

Вокруг серели пыльные оливы,
Синели флорентийские холмы
И был я беззаботным и счастливым,
Как в юности бываем только мы.

1968

«Она» и «он» — два разных естества,
Таких несхожих, что нельзя представить,
Как могут быть одним вот эти два,
Не лгать притом, не спорить, не лукавить.

А миллионы лет тому назад
Единой плотью были мы конечно
И это был наш древний райский сад,
Обитель нашей радости беспечной.

Каким ударом и чьего меча
Мы были так рассечены когда-то,
Что всё еще бредем кровоточа
И тщетно лечим встречами утрату?

Мой лучший друг! Ведь даже ты не та,
Не часть меня, утерянная где-то!
Вот ты прильнула и твои уста
Дыханьем жадной близости согреты.

И все-таки, едва ты отошла,
Ну вот на шаг, ну вот на эту малость —
Я чувствую: да, ты со мной была,
Но именно была и не осталась!

Как сочетать двоих в себе одном,
Предельно, навсегда, неотделимо?
Нельзя! Никак! Мы можем быть вдвоем,
Но никогда не сможем стать единым!

1967

Конечно же противореча
Тому, что требует любовь,
Во все былые наши встречи
Боюсь я всматриваться вновь.

Вот так порою, втайне мысля,
Что в них изъян какой-то есть,
Боишься пачку старых писем
И развязать и перечесть.

Что если там в каком-то слове,
В одной из вычеркнутых строк
Такое вдруг предстанет внове,
Что раньше было невдомек?

И жалкий призрак недоверья,
И подозренья, и обид
Прокрадется, не скрипнув дверью,
И всё, что свято, оскорбит?

Раз мы от призраков зависим
Нам лучше их не вызывать:
Ни прежних встреч, ни старых писем
Не перечитывать опять!

1968

Мне сладко думать, уходя,
Что кто-то обо мне заплачет!
Ведь если б не было тебя —
Всё было бы совсем иначе!

Ну зашептали бы вослед,
Что вот, мол, сожалеем очень,
Что умер неплохой поэт
(Себя уж исчерпавший, впрочем) —

И это всё. Но потому,
Что ты светло меня любила
И сердцем к сердцу моему
Прильнула на краю могилы —

Не буду только оскорблен
Вот этим хладным сожаленьем!
Мне будет дан твой вздох, твой стон,
Твоя тоска, твое смятенье!

О, если б я увидеть мог,
Последней близостью богатый,
Твой мокрый, скомканный платок
В ладони судорожно сжатый!

1967

Положено за что-то
Любить своих подруг:
За верность и заботу,
За жадность губ и рук,

За то, что с первой встречи
Она твоей была,
За то, что в темный вечер
К тебе с огнем вошла.

Мой друг! Люблю тебя я
Светло и горячо,
А вот за что — не знаю,
Не распознал еще.

И так ли важно это?
Люблю тебя! — и в том
Вся правда, все ответы,
Всё сложное — в простом!

1968

Мякоть розовато-золотистая
Свежих фиг на мраморном столе.
В синеватой дымке — даль холмистая.
Кипарисы. Полдень. Фьéзоле.

Ты уснула, зноем обессилена,
А в стихотворении моем,
Как ни бился, рифма не осилена
К той строке, где мы с тобой вдвоем.

И зачем ловить неуловимую,
Если в книге радости земной
Ты уже и так, моя любимая,
Хорошо срифмована со мной!

1968

Есть в мире яркие цветы,
Есть в мире звонкие прибои,
Но вот ко мне прижалась ты
И заменила их собою.

Ты всю себя дала в залог
За эти радости вселенной —
Была и свежей, как цветок,
И нежной словно шелест пенный.

И вот не нужно стало мне
Входить в сады, спускаться к морю,
Мечту о далях и весне
Во мне твой облик переспорил.

И я тебе сказать могу:
Как в олеандрах белой виллы
На далматинском берегу —
Мне хорошо с тобою было!

1967

Еще за дальними холмами
Не догорели облака,
Но день уже расстался с нами,
Лишь не совсем ушел пока.

Вот так бывает и с любимой,
С той, что как день необходима:
Еще и тронет, и прильнет,
Но всё бедней прикосновенья
И знаешь: может на мгновенье
Еще помедлит — но уйдет.

1968

Женщины любившие поэтов,
Дайте вас в столетьях разыскать,
Чтобы вам в глаза взглянуть за это
И в прохладный лоб поцеловать!

Милые! Как быстро обернулись
Вы на зов неслышный для других
И сначала к песням прикоснулись,
А потом к губам, что спели их!

И не вместе с вами ли бывало
В эти души трудные вошло
То, чего без вас им нехватало:
Женское терпенье и тепло.

И за вашу верность, вашу нежность,
За неповторимый ваш союз
Вам дана бессмертия безбрежность,
Россыпь строк и даже зависть муз!

Пусть слыла иная лишь подружкой,
А была заботливей жены
И не раз вы гейневскою «Мушкой»
В жизнь поэта были вплетены.

Все ж, как ни жалели, ни любили,
Как других вы ни были нужней —
Об иной не знали иль забыли,
Лишь поэт, прощаясь, скажет ей:

«Пусть тебя никто не опознает,
Именем твоим не назовет,
Но в моих строках твой взор сияет
И твое молчание поёт!

И моими о тебе стихами
Я возьму тебя с собой туда,
Где над ними — нет, о нет: над нами! —
Небо просияет навсегда!»

1967

Ты, как цветок, дана на время,
На срок до первых непогод.
Ты не из тех, кто счастья бремя
Светло и бережно несет.

Ну что же, пусть на время, если
Иначе не умеешь ты!
Порою всех других прелестней
Недолговечные цветы!

Такой цветок и ты, подруга,
И, примирившись, я смотрю,
Как наша близится разлука —
Как осень по календарю.

1968

Всё, что хотелось бы догнать,
Достать, поймать, изведать мне —
Стараюсь я не замечать:
Ведь с жизнью счеты сведены!

Смотри: уже рука дрожит
(Что это значит — знаем мы...)
И даже васильки во ржи
Уже недосягаемы.

И как мне руки протянуть
К тебе, неуловимая,
Когда и в поле даже путь
Свой направляю мимо я.

1968

Как будто всё неповторимо,
Но в мыслях снова и опять
Уйдут любимая с любимым
Неповторимость повторять.

Вернутся в комнату, в которой
Их ждут в знакомой полумгле
Всё та же спущенная штора
И те же розы на столе.

Никто им там не помешает
И хоть на несколько минут,
Неповторимость повторяя,
Друг к другу радостно прильнут.

В душе прошедшее хранимо,
Лишь оживи его черты!
И только то неповторимо,
Что повторить не хочешь ты!

1968

Выйдем в сад, его еще нам хватит
На десяток предосенних дней.
Он еще как будто и не плачет,
Только всё становится бедней.

Он сегодня нам как раз созвучен,
Он сегодня нам как раз подстать:
Августовской скупостью измучен,
Хочет и не хочет умирать.

Знаешь что? Давай, ему поможем
Всё забыть и нищим стать вполне
И костер, большой костер разложим
На его тускнеющей траве!

И туда весь сад мы побросаем:
Ветки, листья, блеклые цветы
И всё то, чего еще желаем
Так напрасно оба, я и ты.

1967

Комар жужжит и бьется о стекло,
Он хочет прочь, обратно, в свежесть сада.
Он залетел и вот, ему на зло,
Прозрачная возникла вдруг преграда.

А за окном, нацеливаясь, ждет
Пичужка — им полакомиться хочет!
Но путь и ей прозрачность пресечет:
В стекло напрасно клюнет — и отскочит.

А роза в вазе на моем столе
Сияет равнодушно и бесстрастно.
Что ей до огорчений на земле!
Она ведь по-нездешнему прекрасна!

1968

ДЕВУШКА

Сколько было в ней очарованья,
Жадных снов, необлетевших дней!
Как она спешила на свиданье
С беззащитной юностью своей!

А теперь . . . Его зовут любовью,
То земное благо (или зло?),
Что морщинкой у нее в надбровье
С той поры упрямо залегло.

И она уже совсем иная
И несет в себе другим она
Тот соблазн обманчивого рая,
Кем сама была соблазнена.

1967

Хотя в стихах я говорю
Всё об одной любимой —
Я разный облик ей даю,
Всегда неповторимый.

То боязлива, то нежна,
То радуясь, то плача,
Сегодня рвет сирень она
По царскосельским дачам,

А завтра из окна глядит
На свой московский дворик
Иль с южным ветром говорит
На Средиземном море.

Так, в правду уронив мечту
И с явью сон мешая,
Я сказку о тебе плету,
А для чего — не знаю.

Быть может я хочу вплести
Тебя во всё, что было
Мне на земном моем пути
И дорого и мило?

И там побыть с тобой вдвоем,
Хотя б в стихотвореньи,
Чтоб вместе насладиться в нем
Желанным повтореньем?

И не сочти того за ложь,
Коль разная такая
В моих стихах живешь, поешь,
Себя не узнавая!

1967

Странствия! Распахнутые двери!
Скудости разорванные узы!
Вы, кому поэт, что вас измерил,
Подарил особенную музу!

Посложней бывали и попроще,
Но всегда к чему-то приводили —
Пусть всего лишь только к ближней роще,
К одинокой, без креста, могиле.

А случалось: у себя же дома
В старой книге, что пятнает плесень,
Встретишься с рассказом незнакомым
О заморских городах и весях.

И читая скачешь с кем-то рядом
По техасской выжженной равнине
Иль крадешься мавританским садом
На свиданье с белою рабыней.

А не то, в потемках разбирая
Хлам чердачный, что припудрен пылью,
Набредешь на чашку из Китая
Иль на кастаньеты из Севильи.

Будьте же вовек благословенны,
Музо́ю десятою ведомы,
Странствия по свету, по вселенной,
Странствия по собственному дому!

1968

САД ИТАЛЬЯНСКОЙ ВИЛЛЫ НА РИВЬЕРЕ

Он сохранил простые линии
Классических далеких лет
И гордо обрамляют пинии
Его спокойный силуэт.

Как водится, увенчан урнами
Щербатый мрамор балюстрад
И ящерицы изумрудные
По ним стремительно скользят.

Цветными камешками чисто так
Дорожки выложены все,
И померанцы золотистые
Сияют в матовой листве.

Неторопливыми террасами
С холма он сходит и вдали
Немым прибоем опоясаны
Нагие контуры земли.

. . . Я там провел в беспечной юности
Мои счастливейшие дни,
Когда единственною трудностью
Казались мне стихи мои.

Не спрошено и не отвечено
Конечно было в них пока,
Но первою любовью мечена
Была уже моя строка.

Ничем (ну разве только взглядами!)
Я не признался в ней тогда,
И самой чистою усладою
Она осталась навсегда.

Припомнишь — и в душе прояснится!
И вот опять со мною ты,
Того не зная соучастница
Моей ребяческой мечты!

1968

Было сказано когда-то ёлке:

Будешь, правда, ты сухой и колкой,
Но зато всегда, зимой и летом,
Всех добротней и прочней одетой.
С виду только будешь недотрогой —
У тебя для всех подарков много:
Ты свое отдашь на избы тело,
Шишками кормить ты будешь белок,
Под тобой, в гостеприимной хвое,
Выводок грибков себя пристроит
И угодья не найдется лучше
Для усердной муравьиной кучи.
Снегу дашь приют в широких лапах,
Ваннам — свой лесной подаришь запах,
А как только Рождество настанет —
Расцветешь огнями и сластями.
Дети вкруг тебя забьют в ладошки,
Прослезятся старики немножко,
Всех своим порадуешь ты блеском,
А потом сгоришь с веселым треском.
Словом: доброй будешь ты и ладной,
Раз в году — особенно нарядной,
И за то, что ты такая, люди
Хорошо, тепло тебя полюбят!

1968

Ночь была бессонной потому,
Что одна строка не удавалась.
Никогда я, видно, не пойму,
Почему томит такая малость!

Что за тайна в этом ремесле,
Радостном, упрямом и кровавом,
В нем, принадлежащем на земле
К самым мудрым и пустым забавам!

И когда привыкнуть к тишине
Стало всё во мне уже готово —
Я услышал, как навстречу мне
Вышло потерявшееся слово

И сказало: «Вот нашлось и я!
Я пришло сказать тебе об этом,
Чтобы пытка кончилась твоя,
Чтоб ты мог заснуть перед рассветом!»

1967

ПЕСЕНКА

Что ни миг, от своего порога
На далеких звездных небесах
Бог пускает в дальнюю дорогу
Ангела с младенцем на руках.

И однажды, чуть завечерело,
В долгий путь, лежавший впереди,
Вышел ангел, маленькое тело
Прижимая бережно к груди.

Шел он с ним через леса и долы,
Вот уже ребенок вырос, вот
С рук его спускает и, веселый,
Тот бежит и песенку поет.

Только на земле ль, в ее ль тумане
Уберечь затеплившийся свет?
Умер мальчик, и в смущеньи ангел
Перед Богом держит свой ответ.

Говорит: «Душа моя в сомненьи!
В рай Твой светлый как его верну?
Из всего-то моего ученья
Он запомнил песенку одну!»

Только оглянулся он, а рядом
Мертвый мальчик, как живой, встает,
Смотрит на него веселым взглядом
И тихонько песенку поет.

И нехитрой песенке внимая
Серафимов умолкает хор,
Божья Матерь головой кивает,
Гавриила радостнее взор.

А Христос, улыбкой озаренный,
Знак Петру-апостолу дает,
И распахиваются со звоном
Створки райских кованых ворот.

И уходит с песенкой своею
Мертвый мальчик в звездную страну.

Вот и мы . . . Что мы с тобой умеем?
Что мы знаем? Песенку одну!

И когда с тобой, земные дети,
Пред Судьей предстанем мы вдвоем —
Ничего Ему мы не ответим,
Только нашу песенку споем!

1952

Всё словно как на вокзале
Перед отходом поезда:
Чего-то не досказали,
Но это исправить поздно.

Поезд мой — в неизбежное,
Отходит без опозданья.
Скорей хоть что-нибудь нежное
Скажите мне на прощанье!

Это совсем последнее
И надо проститься, значит,
Не так, как еще намедни,
А как-то совсем иначе.

Адреса не просите,
Где я — не узнавайте!
Ведь я не скажу: «пишите!»,
А только: «не забывайте!».

1969

СОДЕРЖАНИЕ

Я тоже горлиц посылал... 9
О детстве вспомнить хорошо... 10
На одной из самых тихих улиц... 12
Счастливое, волнующее слово... 14
Сквозь путаницу веток, сквозь... 15
Поговорим еще немного... 16
В полете есть не только устремленье... 17
Я, покидая родину, оставил... 18
Нет бедных рифм, докучливых, плохих... 20
У русских есть не только «именины»... 21
Поэты 22
Есть вещи, о которых... 24
Юношей в Амальфи из Соренто... 26
Что дали мне, задев мой путь... 28
«Прощай!» и «Здравствуй!» — два привычных слова... 29
В апреле 30
Почему мы все, придя «оттуда»... 32
Не решай рукою правой... 33
Асимметрия окон во дворце... 34
Не новых стран иные очертанья... 35
«Она» и «он» — два разных естества... 36
Конечно же противореча... 38
Мне сладко думать, уходя... 39
Положено за что-то... 40
Мякоть розовато-золотистая... 41
Есть в мире яркие цветы... 42
Еще за дальними холмами... 43
Женщины любившие поэтов... 44

Ты, как цветок, дана на время... 46
Всё, что хотелось бы догнать... 47
Как будто всё неповторимо... 48
Выйдем в сад, его еще нам хватит... 49
Комар жужжит и бьется о стекло... 50
Девушка 51
Хотя в стихах я говорю... 52
Странствия! Распахнутые двери... 54
Сад итальянской виллы на Ривьере 56
Было сказано когда-то ёлке... 58
Ночь была бессонной потому... 59
Песенка 60
Всё словно как на вокзале... 62